

БЕРСЕНЕВА
Анна

СОТНИКОВ

КНИГИ АННЫ БЕРСЕНЕВОЙ – ИСТОРИИ СИЛЬНЫХ ЧУВСТВ:

ЦИКЛЫ:

I. ЦИКЛ «Совпадения»

1. Сети Вероники
2. Песчаная роза

II. ЦИКЛ «Гриневы. Капитанские дети»

1. Последняя Ева
2. Возраст третьей любви
3. Неравный брак
4. Ловец мелкого жемчуга
5. Первый, случайный,
единственный

III. ЦИКЛ «Слабости сильной женщины»

1. Слабости сильной женщины
2. Ревнивая печаль
3. Соблазн частной жизни

IV. ЦИКЛ «Ермоловы»

1. Яблоки из чужого рая
2. Антистерва
3. Мурка, Маруся Климова

V. ЦИКЛ «Подруги с Малой Бронной»

1. Уроки зависти
2. Опыт нелюбви
3. Этюды Черни

VI. ЦИКЛ «Любовный фарфор»

1. Звезда по имени Эстер
2. Красавица некстати
3. Азарт среднего возраста

VII. ЦИКЛ «Три дочери»

1. Ответный темперамент
2. Игры сердца
3. Французская жена

VIII. ЦИКЛ «Странная Лиза»

1. Портрет второй жены
2. Странная Лиза

IX. ЦИКЛ «Стильная жизнь»

1. Стильная жизнь
2. Двое в Барселоне

X. ЦИКЛ «Женщины да Винчи»

1. Женщины да Винчи
2. Вокзал Виктория
3. Героиня второго плана

XI. ЦИКЛ о московском поселке художников «Сокол»

1. Австрийские фрукты
2. Кристалл Авроры
3. Коктейльные вечеринки

ОТДЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ:

- Гадание при свечах
- Серьезные отношения
- Все страсти мегаполиса
- Женщина из шелкового мира
- Рената Флори
- Глашенька
- Вангелия
- Лучшие годы Риты
- Созвездие Стрельца
- Ангел-хранитель

БЕРСЕНЕВА

Анна

СОТНИКОВ

Владимир

АНГЕЛ-
ХРАНИТЕЛЬ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.121.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

*Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.*

Оформление серии — Александр Кудрявцев,
студия FOLD & SPINE

Берсенева, Анна; Сотников, Владимир.

Б51 Ангел-хранитель : [роман] / Анна Берсенева. —
Москва : Издательство АСТ, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-17-164750-6

На протяжении всего XX века в старинной подмосковной усадьбе Ангелово разворачиваются события жизни трех поколений барышень-дворянок и крестьянских сыновей. Все, что происходит с ними, окутано тайнами старинного дома, Оборотневой пустоши, родника в парке. Но не иссякает в усадьбе жизнь. Любовь, предательство, надежда, утрата, вдохновение, сомнения — всему наступает свой черед. Пожалуй, людей в этом месте все-таки хранит Ангел, исчезнувший в Гражданскую войну вместе с частью фамильной коллекции

УДК 821.121.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-164750-6

© Сотникова Т., Сотников В., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Часть I

Глава 1

— Ли-ида, я не хочу лук! Он горький!

Надя смотрела на маленькую разрезанную луковицу, лежащую перед ней на фарфоровой тарелке, и изо всех сил старалась не заплакать. Она не хотела выглядеть капризницей, но как удержишься, когда тебе только семь лет, а все время приходится делать то, чего делать совсем не хочется? Лида и сама бы, может, так не смогла в детские свои годы.

— Надо съесть, Надюша, — вздохнула она. — Чтобы не заболеть испанкой. В луке фитонциды.

— Я скоро в Пиноккио здесь превращусь с этим луком! — сердито сказала Вера.

Она, как и Надя, сидела за столом в пальто. Дрова этим летом заготовить не удалось и теперь, осенью, топить ангеловский дом было совсем почти нечем. Одна Лида выходила к ужину по-прежнему, в суконном платье, только в шаль куталась. Вера же считала, что никакой порядок вещей не стоит того, чтобы рисковать ради него здоровьем.

Вера жевала свою луковицу с отвращением, но не морщась. И слезы у нее из глаз не текли. Не только характер в семнадцать лет кремень, но даже физический состав. Никогда Лида не мечтала быть похожей на среднюю свою сестру, но теперь, пожалуй, не отказалась бы обладать такой внутренней силой, как у Веры. Да и кто в тяжелые времена откажется от сил душевных?

— А я — в фею с голубыми волосами! — воскликнула Надя и засмеялась.

Вера бросила на нее сердитый взгляд. Наверное, ее раздражала Наденькина способность ко мгновенному переходу от печали к радости. Лиде же эта способность их младшей сестры казалась даром Божиим.

Тут Вера зорким глазом заметила, что сама Лида к своей луковице не притрагивается.

— Нас заставляешь, а сама не ешь. Почему? — с подозрением поинтересовалась она.

— Так, — смущенно ответила Лида. — Я после съем.

Причину ей называть не хотелось. Даже непонятно, отчего — вряд ли эта причина была тайной для Веры, да и для Наденьки, пожалуй.

— Черт знает что! — сердито сказала Вера. — Витамины из лука! Кофе из желудей! А зимой? Снег прикажешь есть?

— Не чертыхайся, — напомнила Лида.
Но Веру было не остановить.

— Не понимаю, чего мы ждем! — воскликнула она. — Вертковых сожгли. Павлищевых забрали в ЧК. Что папа собирается делать?

— Что и всегда мы делали, — пожала плечами Лида.

— При чем здесь всегда? Всегда Гражданской войны не было!

— Детей надо учить. Это никогда не изменится.

Вера фыркнула, но возражать не стала. Не оттого, что согласилась со старшей сестрой, а лишь для экономии времени, конечно. Что может сделать Лида? Как папа решит, так и будет.

— А почему папа обедать не идет? — спросила Надя.

— Он занят, — ответила Лида.

Произнесла она это машинально. Отец не делился с дочерьми ни планами своими, ни даже повседневными намерениями. В прежние времена причиной было то, что Лида называла одиночеством его, не одиночеством, а вот именно одиночеством. Она возникла после того, как мама умерла родами Наденьки, да так и не прошла. Прежде отцовская замкнутость вызывала у Лиды уважение, а теперь стала пугать. Что у него на уме? Неведомо.

Глава 2

Тем временем Андрей Кириллович Ангелов, инженер, профессор Московского университета и владелец усадьбы Ангелово, занят был тем, что

разбирал иконостас в сельской церкви. Занятие его выглядело странно и даже криминально; так Ангелов назвал бы его, если бы разум его искал сейчас каких-либо названий для происходящего.

Но разум профессора Ангелова был занят лишь соображениями практического толка — отчасти в силу природного устройства, отчасти оттого, что он не находил время, в которое угодил на старости своих лет, подходящим для отвлеченных размышлений. Их следовало доверить будущему — так же, как и знаменитый ангеловский иконостас.

Иконостас этот был уже почти весь разобран. Андрей Кириллович укладывал иконы в дубовые ящики, специально для них предназначенные. В этих ящиках они на протяжении целого века доставлялись в усадьбу, как и все другие предметы любовно собираемой семейной коллекции. Добротные, отлично пригодные для драгоценных предметов, да и сами собою представляющие ценность, ящики хранились в парковом флигеле. Каждый раз, когда Ангеловская коллекция — не вся, разумеется, а частями — экспонировалась в Санкт-Петербурге или в Европе, эти ящики извлекались на свет божий и использовались для транспортировки.

Андрей Кириллович работал быстро и с тем особенным умением, которому его еще в детстве обучил покойный Илья Кондратьев. Илья был деревенским златокузнецом, но в руках его спорилась любая работа. Маленький Андрюша удивлялся в детстве даже не этому, а тому, что Илья не замечает того, как красиво и ловко он делает любое дело.

— А чего там замечать? — удивлялся Андриюшину удивлению Тимка, сын Ильи. — Как по-другому-то?

Сам Тимка был с ленцой, и у него как раз работа получалась «по-другому», за что отец не раз драл его за вихры. Но Тимка был закадычный друг детства, а значит, критике с Андриюшиной стороны не мог быть подвержен.

Ангел-хранитель был последней иконой, которую осталось уложить в ящик. Андрей Кириллович остановился перед нею.

Сверкали в тусклом свете свечи яхонты, которыми была украшена риза. Андрей Кириллович помнил, как впервые увидел эту россыпь яхонтовых огоньков — на луговой траве...

Тимка подбежал к Андриюше, когда тот уже промывал кисти и собирался складывать мольберт.

— Брось ты свои картинки! — воскликнул он. — Гляди, чего у меня.

На широкой Тимкиной ладони лежали разноцветные камушки. Они были круглые и гладкие, и в глубине каждого играл огонек.

— Красивые... — сказал Андриюша. — Откуда они у тебя?

— Тятка дал.

Тимка ответил без заминки, но по тому, как шевельнулся кончик его веснушчатого носа, Андриюша понял, что его друг врет.

— Посмотреть дал? — уточнил он.

— Насовсем, — снова соврал Тимка.

— Они же для ризы, — покачал головой Андрюша.

О том, что Илья Кондратьев делает ризу для иконы Ангела-хранителя, которую недавно привезли в усадьбу, Андрюша знал от мамы.

— Ну дак... — протянул Тимка. И тут же нашелся: — А я с тяткой вместе ризу и делаю!

— И он тебе камни для ризы поиграть дал? — наконец не выдержал Андрюша; он не терпел вранья. — Врешь ты все!

А Тимка уже, кажется, и сам поверил в то, что выдумал на ходу. Так ведь всегда и бывает: сначала приврешь, а потом как признаться? Приходится защищать свое вранье.

— Я — вру?! — возмутился Тимка. — Да я тебе...

Он угрожающе двинулся на друга, задев плечом мольберт. Холст, на котором Андрюша так старательно выписывал пустошь, закат и зарницы в багряном небе, шлепнулся на траву, и, конечно, все краски размазались.

— Ах ты!.. — в ярости воскликнул Андрюша, бросаясь на Тимку.

Мальчишки схватили друг друга за грудки. Камушки, из-за которых весь сыр-бор разгорелся, посыпались в траву.

Хоть они и были ровесниками, обоим только-только по десять лет исполнилось, но Тимка был шире в плечах, да и драться ему приходилось чаще. Он уже прижимал Андрюшу к земле — и вдруг тот

увидел, что Тимка замер с открытым ртом, вглядываясь во что-то перед собой. Хватка его ослабела, Андрюша вывернулся, вскочил на ноги... И увидел, что заставило замереть Тимку.

Через пустошь, прямо из-под багряного заката в сполохах зарниц бежал волк. Он двигался неторопливо, но приближался почему-то очень быстро, и было уже видно, какой он большой, просто огромный, гораздо больше самого крупного волка, какого Андрюша видел в энциклопедии Брэма... Через мгновение Андрюше показалось, что он видит волчьи глаза. Их взгляд, светлый, совсем не волчий, впился в него, морда зверя стала приобретать человечесьи черты...

Наверное, Тимка видел то же самое.

— А-а-а!.. Оборотень! — завопил он.

— Тимка, беги! — крикнул Андрюша.

Может, ему только показалось, что крикнул: от ужаса у него онемели губы. Но Тимка в самом деле бросился бежать. А вот сам Андрюша бежать уже не мог: он оцепенел от звериного взгляда, голова у него закружилась, закатные облака превратились в кровавые капли и стали падать на него, будто с клыков волка-оборотня... Вскрикнув что-то нечленораздельное, он упал на траву.

Андрюша не видел, как Тимка оборачивается на его крик и бросается обратно, на ходу зачем-то вырывая из земли здоровенный куст репейника.

— Пшел! Пшел отсюдава!

Этого Тимкиного крика Андрюша тоже не слышал. Правда, Тимка и сам словно оглох. Вернее,

звук-то он слышал, но будто бы внутри своей головы. Тихий такой звук... Тимка вдруг понял, про что мамка говорила «ангельское пенье». Но прислушиваться было некогда. Зажмурившись, он стеганул оборотня репейником...

Когда Тимка открыл глаза, волка рядом не было. На траве лежал без сознания Андрюша.

— Анд-дрюха! Ты чего?! — стуча зубами от ужаса, пробормотал он. — Вставай...

Увидев, что Андрюша не приходит в себя, Тимка бросился в деревню.

Когда он вбежал в избу, отец еще работал — тюкал тонким молоточком по серебряной ризе.

— Тятя! — трясась, воскликнул Тимка. — Там... там...

Отец поглядел исподлобья: не любил, когда от работы отвлекали. Да это было и раз-навсегда Тимке заказано.

— Ну? — спросил он. — Чего стряслось?

— Оборотень... Андрюху... загрыз... — дрожа, говорил Тимка.

— Ты что плетешь? — нахмурился отец.

— Вот те крест! Оборотень на нас кинулся... Андрюха упал...

По тому, как трясся и крестился обычно бесшабашный сын, отец, видно, понял, что дело нешуточное.

— Где? — быстро спросил он, уже идя к дверям.

— На пустоши, возле баньки!

— Беги к барыне, — на ходу бросил отец. — Скажи, беда!

Илья и принес Андрюшу в усадьбу — целого, без единой царапины, но так и не очнувшегося. И водой его отливали, и тормошили — ничего не помогало.

Когда Андрюша пришел в себя, солнце светило сквозь светлые шторы. Окно было открыто, веял ветерок.

Он чувствовал такую слабость, словно до изнеможения бегал по ангеловскому парку.

— Это и не удивительно, — сказала мама, подавая ему лекарство в серебряной рюмочке. — Ведь ты целые сутки был без сознания! После того как тебе померещился оборотень, у тебя случилась нервная горячка.

— Он не померещился. — Андрюша помотал головой. — Мама, я тоже думал, что оборотней не бывает. Но я сам его видел! Почему он приходил?

— Милый мальчик мой, ты вырастешь, станешь ученым, — ласково сказала мама. — Ты ведь хочешь стать ученым? — Андрюша кивнул. — Вот тогда тебе будут понятны все явления природы.

Андрюша хотел возразить, что оборотень точно был, он его своими глазами видел, — но тут со двора донесся Тимкин голос:

— Андрюха! Глянь в окошко!

— Куда ты? Тебе нельзя! — воскликнула мама. Но Андрюша уже вскочил с кровати.

Под окном стояли Тимка и его отец. Илья Кондратьев держал что-то, покрытое куском домотканого льна.

— Выдь сюда! — позвал Тимка.

Не слушая маминых возражений, Андрюша выбежал из комнаты.

— Гляди, Андрейка! — широко улыбаясь, сказал Илья, когда он выскочил на крыльцо.

Он снял ткань, и на Андрюшу глянул лик Ангела. Сверкала на солнце серебряная риза, сверкали огоньки в разноцветных яхонтах...

— Какой же ты великий мастер, Илья... — с восхищением сказала мама, тоже вышедшая на крыльцо.

— Мы, Кондратьевы, все такие! — довольно хмыкнул Тимка.

— А ты при чем? — засмеялась мама. — У отца твоего золотые руки. А ты сорванец. Смотри, лениться станешь — всех Кондратьевых опозоришь.

Тимка насупился: ему явно неприятны были назидания барыни.

— Камушки те самые? — пока мама крестилась на икону и рассматривала ризу, тихо спросил Андрюша. — Мы ведь рассыпали вчера...

— Отец собрал потом, — так же тихо ответил Тимка. — За вихры меня отодрал.

— Вот, мальчики. — Мама обернулась к ним, улыбаясь. — Теперь Ангел нас всех хранит! И никакие оборотни нам не страшны. Нам вообще нечего бояться. Пока мы вместе, все будет хорошо!

Андрюша смотрел на икону, и ему казалось, что он видит ясную и печальную улыбку Ангела-хранителя и даже слышит его голос. Только не говорит он, а будто поет.

...Профессор Ангелов молча смотрел в глаза Ангела-хранителя на иконе. Они посверкивали печально, но ярко, как яхонты на ризе.

— Что вы делаете, Андрей Кириллович? — услышал он и обернулся.

В дверях стоял Федор Кондратьев.

— Здравствуй, Федор, — кивнул Ангелов. — Не знаешь, что делают в церкви?

— В церкви обычно иконостас разбирают? — усмехнулся тот.

— А тебе нужны эти иконы? — пожал плечами Ангелов. — Насколько я успел понять, у большевиков другие ценности.

— Иконы нам не нужны, — согласился Федор. — А ценности нужны.

— Ризы?

— В том числе. Куда вы все это уносите?

Скрывать что-либо от Федора Кондратьева не имело смысла. И не потому, что он возглавлял теперь уездную власть, а потому что одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: этот человек рожден для того, чтобы распоряжаться не только своей судьбой, но многими чужими. И всегда это было понятно, кстати, даже когда Федор был мальчишкой. Впрочем, ему и теперь чуть больше двадцати.

— Сейчас — в усадьбу, — ответил Ангелов.

— А потом?

— Здесь всё пропадет, — сказал Андрей Кириллович. — Ты и сам это понимаешь.